

Кэролайн Райан посвящается

ПРОЛОГ

Шла отчаянная схватка за сундук.

Загадочный ящик находился под охраной майора испанской армии. На его захват был брошен полковник французской Императорской гвардии. Француз получил широкие полномочия: он имел право убить любого, вставшего на его пути.

Сам по себе сундук представлял собой затертый до блеска и почерневший от старости деревянный ящик, перехваченный двумя железными скобами. Тронутое древней ржавчиной железо было еще крепким. Старинный кофр имел два фута в длину, восемнадцать дюймов в ширину и столько же в высоту. Он запирался на два засова с висячими медными замками. Красные печати между горбатой крышкой и корпусом с годами превратились в едва заметные наплывы воска, вкрапленные в старое дерево. Сверху сундук был обшит промасленной тканью, защищавшей его от непогоды. Вернее сказать, ткань защищала от непогоды хранящуюся внутри судьбу Испании.

На второй день 1809 года кавалерийский полковник едва не захватил сундук. Находящийся под его командованием полк французских драгун настиг испанцев близ Леона. Испанцы укрылись в горах, для чего им пришлось бросить коней, ибо ни одно животное не могло удержаться на обледеневших камнях, среди которых скрылся от погони майор Блас Вивар.

Стояла зима, самая ужасная зима Испании, и самое неподходящее время для северных испанских гор, но фран-

цузы не оставляли майору Вивару выбора. В декабре армия Наполеона взяла Мадрид. Майор успел бежать с сундуком из столицы за час до того, как в нее ворвалась конница неприятеля. С ним было сто десять касадорцев — конных охотников с прямыми палашами и короткоствольными карабинами. Охотники, однако, скоро превратились в преследуемых. Вивар петлял и запутывал следы, стараясь любой ценой оторваться от французов. Он надеялся пробиться на север, к армии генерала Романы, но за два дня до того, как драгуны загнали его в горы, Романа был разбит. Вивар остался один. Из отряда уцелело девяносто человек, остальные погибли.

Погибли за сундук, который оставшиеся в живых тащили по обледенелым горам. Тропы замело снегом. Временами теплело, и тут же начинался дождь, превращавший горные тропы в непроходимое болото. За ночь грязь замерзала. Мороз унес жизни каждого десятого касадорца. Иногда им удавалось укрыться в пещерах или на заброшенных фермах.

В один из таких дней, когда налетевший с запада буран принес обильный снегопад, отряд забился в овраг у самого гребня горы. Лежа на краю оврага, Блас Вивар осматривал ущелье в подзорную трубу. Он видел врага. Французы преследовали Вивара на всем протяжении его нелегкого пути. Беда в том, что ему приходилось пробиваться через перевалы, а они шли по долине, где были дороги, мосты и жильё. Временами погода позволяла оторваться от преследователей, и Вивар с надеждой думал, что больше не увидит погони. Но спустя несколько часов после очередного снегопада ненавистные силуэты появлялись вновь. Дрожа от пронизывающего ветра, Вивар смотрел, как французы расседлывают коней в крошечной деревушке в устье ущелья. Их ждали тепло и еда, их кони получают ночлег и сено, в то время как его людям предстояло страдать от секущего снега и холода.

- Они? — К Вивару присоединился лейтенант Давила.
- Они.

— Кавалерия?

— Да.

Вивар разглядывал двух всадников на деревенской улице. Полковник императорской легкой кавалерии щеголял в алом ментике, темно-зеленых лосинах и круглой шапке черного меха. Второй всадник был одет в черную приталенную бурку и белые сапоги. Человека в черной бурке Вивар боялся больше, чем полковника, потому что именно он вел драгун по его следу. Человек в бурке знал, куда пробивается Вивар, знал, где его можно остановить, и еще он знал, какой силой обладает окованный железом ящик.

Лейтенант Давила присел на корточки рядом с Виваром. Они давно перестали походить на военных; лица, сапоги и руки были обмотаны тряпками. Но под накидками из мешковины скрывались красные мундиры элитной роты касадорцев. Офицеры были закалены и опытные, как все, прошедшие Французскую кампанию.

Давила взял у Вивара трубу. Сквозь слепящий косой снег мелькнул алый ментик кавалериста.

— Почему он без шинели? — пробормотал лейтенант.

— Хвастается закалкой, — проворчал Вивар.

Давила опустил трубу ниже и увидел въезжающих в село драгун. Некоторые вели под уздцы хромящих лошадей. Все были вооружены саблями и карабинами.

— А я думал, мы от них оторвались, — невесело произнес он.

— Мы от них оторвемся, когда похороним последнего человека.

Вивар опустился на дно оврага. Закаленное солнцем и ветром суровое лицо майора оживляли искрящиеся юмором и пониманием темные глаза. Он посмотрел на дрожащих в овраге солдат:

— Сколько у нас еды?

— На пару дней хватит.

— Иногда мне кажется, — голос Вивара был едва слышен за воем ветра, — что Бог оставил Испанию.

Лейтенант Давила промолчал. Порыв ветра сорвал снег с края оврага и закружил его сверкающим вихрем. Давила с горечью думал о том, как французы разграбят деревню, присвоят себе дрова, еду, женщин. Разгонят визжащих детей, мужчин подвергнут пыткам, дабы вырвать у них сведения о потрепанном отряде касадорцев с сундуком. Крестьяне будут божиться, что никого не видели, после чего их все равно расстреляют, и на лице человека в черной бурке и белых сапогах не промелькнет ни тени сожаления. Давила закрыл глаза. До этой войны он не знал, что такое ненависть; сейчас он не знал, удастся ли ему когда-нибудь вырвать ее из своего сердца.

— Мы разделимся, — неожиданно сказал Вивар.

— Что? — переспросил задумавшийся о другом Давила.

— Я возьму сундук и восемьдесят человек, — отчетливо произнес Вивар, — ты с остальными останешься здесь. Когда французы уйдут за нами, пойдешь на юг. Только будь уверен, что долина свободна. Наш враг умен, — возможно, он уже догадался, что я задумал. Так что жди, Диего! Жди, пока не убедишься, что в долине никого нет, а потом еще один день. Ты понял?

— Понял.

Несмотря на усталость и пронизывающий до костей холод, Вивар произнес последние слова с подъемом:

— Иди на Оренсе, Диего. Посмотри, остался ли кто-нибудь из наших. Скажи, что они мне нужны! Скажи, что мне нужны лошади и люди. Веди их в Сантьяго; если меня там не будет, двигайся на восток, пока не встретимся.

Давила кивнул. Вопросов было много, но он не мог заставить себя говорить.

Вивар тем не менее его понял.

— Если французы захватят сундук, — мрачно сказал майор, — ты об этом узнаешь. Они растреляют о своем успехе на всю Испанию. И война будет проиграна.

Давила дрожал под рваной одеждой.

— Если вы пойдете на запад, дон Блас, вы встретите англичан.

Вивар сплюнул, демонстрируя свое отношение к английской армии.

— Разве они не помогут? — настаивал Давила.

— Доверился бы ты британцам с этим сундуком?

Подумав, лейтенант ответил:

— Нет.

Вивар еще раз поднялся на край оврага и осмотрел деревню:

— Может, хоть эти дьяволы нарвутся на англичан. Тогда одна свора варваров перебьет другую. — Его передернуло от холода. — Если бы у меня было достаточно людей, Диего, я бы забил ад душами французов. Но у меня нет людей. Поэтому я и прошу тебя привести их мне!

— Я постараюсь, дон Блас.

Большого Давила обещать не мог, ибо никто из испанцев не смел надеяться на удачу в начале 1809 года. Король Испании находился во французском плену, в Мадриде на трон взошел брат французского императора. Наполеон разбил испанскую армию, столь успешно противостоящую ему в прошлом году, а выступивших на помощь англичан загнал на побережье. Испании оставалось надеяться лишь на разрозненные отряды разбитой армии, гордость непокоренного народа и на сундук.

Утром следующего дня Вивар ушел на запад. Лейтенант Давила наблюдал, как французские драгуны седлали коней и покидали разоренную деревню. В холодное небо поднимались клубы дыма. Человек в черной бурке и белых сапогах точно знал, куда пойдет майор Блас Вивар, и французы повернули коней на запад. Давила прождал целый день, потом, когда снег перешел в дождь и тропы потонули в густой грязи, двинулся к югу.

Опять началась изнурительная гонка по запутанным горным тропам. Лишь чудо могло спасти Испанию и превратить позорное поражение в победу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В деревне пришлось оставить более ста упившихся до потери сознания солдат и несколько женщин.

Солдаты были совершенно невменяемы. В подвале таверны они обнаружили огромные бочки с прошлогодним вином. Когда наступил бледный рассвет, по всей деревне валялись бездыханные тела.

Пьяные были англичанами. Они бежали в армию от беспроектной нужды и преступлений и еще потому, что там давали треть пинты рома в день. Накануне вечером они нашли свой рай в ничтожной таверне в ничтожном испанском городишке, лежащем на ничтожной каменистой дороге к морю. Теперь судьба пьяниц зависела от милости французов.

Высокий лейтенант в зеленом мундире 95-го стрелкового полка бродил среди разбросанных во дворе таверны тел. Уснувшие пьянчуги его не интересовали. Он искал деревянные ящики с порохом, сброшенные с фургонов, чтобы освободить место для раненых и обмороженных. Ослабевшая армия была не в силах тащить за собой боеприпасы, как, впрочем, и многое другое. Все оставалось французам. Лейтенант приказал стрелкам набить патронами ранцы и карманы. Теперь он и его подчиненный загружали корзины последнего батальонного мула.

Стрелок Купер посмотрел на оставшиеся ящики:

— А что делать с этими, сэр?

— Сжечь.

— Силы ада! — Купер расхохотался и показал на валяющихся по всему двору пьяниц. — Вы же их поджарите!

— Это все равно сделают французы. — Глубокий шрам на левой щеке лейтенанта придавал ему свирепый вид. — Ты что, хочешь, чтобы французы перебили нас нашим же порохом?

Куперу было все равно, что сделают французы. Сейчас его больше волновала уснувшая в углу двора пьяная девочка.

- Жаль ее убивать, сэр. Посмотрите, какая лапочка.
- Оставь ее французам.

Купер наклонился и расстегнул платье, чтобы увидеть груди. Девушка поежилась от холодного воздуха, но не проснулась. В залитом вином платье и с перепачканными блевойтой волосами, она все равно была хороша. В пятнадцать или шестнадцать лет она вышла замуж за солдата и поехала за ним на войну. Теперь ее оставляли французам.

— Просыпайся! — крикнул Купер.

— Брось ее, — проворчал лейтенант, но не удержался и подошел поближе. — Сука бестолковая, — проворчал он мрачно.

Во дворе показался майор:

- Интендант!
- Слушаю, сэр! — резко обернулся лейтенант.

У майора было злое лицо с маленькими жесткими усиками.

— Когда закончите раздевать женщин, окажите любезность, присоединитесь к нам.

— Я бы хотел вначале сжечь эти ящики, сэр.

— Пропади они пропадом, ваши ящики! Поторапливайтесь!

— Слушаюсь, сэр!

— Если, конечно, не собираетесь остаться. Не думаю, что армия много без вас потеряет.

Лейтенант не ответил. Шесть месяцев назад, когда его перевели служить в батальон, ни один офицер не позволил бы себе говорить в таком тоне в присутствии солдат. Поражение испортило характеры и обострило скрытые противоречия. Люди, которые в нормальной обстановке обращались друг с другом с показным уважением, а иногда и с натянутой сердечностью, теперь грызлись как бешеные псы.

Майор Уоррен Даннет ненавидел своего интенданта слепой, всепоглощающей ненавистью, и самым оскорбительным для майора было то, что лейтенант на нее не реаги-

ровал. Вызывающий и независимый вид новоиспеченного офицера окончательно добивал Даннета.

— За кого, интересно, он себя принимает? — накинулся майор на капитана Мюррея. — С чего он взял, что его будет ждать вся армия, будь она проклята?

— Он выполняет свои обязанности, не так ли? — Джон Мюррей был мягким и справедливым человеком.

— Ни черта он не выполняет. Разглядывает сиськи какой-то шлюхи, — сплюнул Даннет. — Я всегда был против присутствия этого идиота в батальоне! Полковник принял его на службу из уважения к Вилли Лоуфорду. До чего, будь оно все проклято, докатилась армия! Ну какой офицер может получиться из сержанта? И еще смел податься в стрелки!..

Мюррей подозревал, что Даннет просто завидует новому лейтенанту. В британской армии мало кому удавалось дослужиться от рядового до офицера. Интенданту это удалось. Он побегал с ружьем в красном солдатском мундире, потом стал сержантом, после чего, в награду за проявленную на поле боя самоубийственную храбрость, его произвели в офицеры. Прочие офицеры знали о прошлом лейтенанта и боялись, что его боевой опыт лишний раз подчеркнет их собственную некомпетентность. Тревожились они напрасно, ибо полковник с первого дня назначил лейтенанта на интендантскую должность, понимая, что человек, послуживший и солдатом, и сержантом, до тонкости разбирается в махинациях вещевой службы.

Оставив французам и пьяных, и патроны, интендант вышел со двора таверны. На улице под холодным дождем ожидали триста стрелков. Замотанные в раздобытое на марше тряпье солдаты и офицеры походили на чудовищную армию нищих. У многих подошвы сапог держались на веревках. Грязные шарфы укрывали небритые лица. Красные опустошенные глаза, впалые щеки, побелевшие от мороза брови... Бедняги, потерявшие кивера, нахлобучили на головы обвисшие крестьянские шляпы. Между тем потрепанное

подразделение оставалось элитой армии, это были королевские стрелки. На каждом штуцере стоял промасленный замок с острым кремнем.

Командир полубатальона майор Даннет вел своих людей на запад. Шла первая неделя января. Начиная с Рождества англичане откатывались на запад, подальше от размолотивших испанскую армию французов. Каждый день марша был настоящей пыткой холодом, голодом и болью. В некоторых батальонах дисциплина упала полностью, их путь был отмечен валяющимися на обочине трупами. Среди погибших были и женщины, последовавшие в Испанию за своими мужьями. Попадались и дети. Выжившие настолько свыклись с кошмарами войны, что могли спокойно наступить на обледенелый труп ребенка.

И тем не менее среди сломленной ледяными ветрами армии оставались подразделения, готовые развернуться и дать бой французам, — гвардейцы и легкие пехотинцы, элита армии сэра Джона Мура, дошедшие до середины Испании, чтобы перерезать коммуникации Наполеона. Они пришли уверенные в победе, но император обрушил на них удар сокрушающей мощи. Немногочисленная британская армия обратилась в бегство к спасительным кораблям.

Триста стрелков Даннета чувствовали себя потерянными среди ледяной пустыни. Где-то впереди находилась основная часть отступающей армии, сзади нагоняли французы. Мир пехотинца состоял из ранца бредущего впереди бедолаги, слякоти, усталости и боли в скрученном голодом животе.

Выйдя из деревни, солдаты через час подошли к каменному мосту через ручей. Там их ожидали британские кавалеристы с сообщением, что артиллерия увязла на склоне в двух милях впереди. Офицеры просили батальон Даннета подождать у моста, пока артиллеристы не втащат орудия на перевал. Потом они обещали спуститься за ними.

— Сколько это займет времени? — подозрительно спросил Даннет.

— Час. Не больше.

Стрелки остановились. За последние две недели они прикрывали отход более десяти раз — жало в хвосте армии. Если повезет, сегодня французы их не потревожат. А если не повезет, через час появится вражеский авангард — кавалерия на выбившихся из сил конях. Французы предпримут пробную атаку, стрелки дадут пару залпов, после чего все успокоится, поскольку ни у кого не будет явного преимущества. Французы позволят зеленым курткам тащиться дальше. Обычная на войне ситуация: скука, холод, отчаяние.

Стрелки заблокировали дорогу к западу от моста, лицом к востоку. Сержанты прохаживались за строем. Офицеры стояли перед ротами. Лошади их давно погибли от холода. Все молчали.

Назначенный на должность интенданта батальона лейтенант бесцельно прогуливался по каменному мосту, вглядываясь в промозглую пелену. Майор Уоррен Даннет усмотрел в этом очередной вызов.

— Только полюбуйся, где занял позицию чертов выскочка, — проворчал он, подойдя к капитану Мюррею.

— Не вижу в этом никакого вреда, — ответил с обычной мягкостью капитан.

— Он просто поднявшееся из грязи ничтожество!

Мюррей улыбнулся:

— Он отличный интендант, Уоррен. Вспомните, когда у ваших солдат было столько патронов?

— Он обязан обеспечить мне нормальный ночлег, а не шастать черт знает где в надежде доказать, что умеет драться. Ты только посмотри на него!

Даннет злобно уставился на молодого офицера. Майор походил на человека, которому не удастся почесать зудящее место.

— До сих пор ведет себя как солдат. Как был крестьянином, так и остался. Ну зачем ему ружье?

— Вот уж не знаю.

Ружье было неуместной причудой. Считалось, что интенданту оружие вообще не нужно. Он должен иметь бумагу, чернила, перья и счетные палочки. Он должен уметь раздобыть еду и выбить ночлег в переполненном солдатами городишке. Ему нужен нос, чтобы вынюхивать прогнившее мясо, нужны весы, чтобы взвешивать порции, нужно упорство, чтобы противостоять наглости других интендантов. Оружие ему ни к чему. Тем не менее новоиспеченный лейтенант постоянно таскал с собой ружье и еще саблю. Таким образом он недвусмысленно заявлял о своем намерении сражаться, а не заниматься интендантскими обязанностями. Зеленые куртки относились к оружию интенданта с насмешкой. Несмотря на прошлые подвиги, сейчас он воспринимался как стареющий лейтенант-неудачник.

Даннет притопывал замерзшими ногами.

— Первыми пойдут фланговые роты, Джонни. Ты прикроешь.

— Слушаюсь, сэр. Будем ждать конницу?

— Пропади она пропадом! — Даннет ненавидел кавалерию врожденной ненавистью пехотинца. — Ждем еще пять минут. Хватит, чтобы убрать с дороги проклятые пушки... Что-нибудь видите, интендант? — язвительно поинтересовался майор.

— Нет, сэр.

Лейтенант снял кивер и провел рукой по длинным темным и грязным после похода волосам. Шинель его была расстегнута, ни шарфа, ни перчаток он не носил: либо не мог себе позволить, либо хвастался закалкой. Даннет изо всех сил желал, чтобы рвущегося в битву выскочку-лейтенанта зарубили в первой же стычке.

Правда, рубить было некому. Скорее всего, дождь, ветер и проклятый холод заставили французов остановиться в последней деревушке. А может, они соблазнились пьяными женщинами. Как бы то ни было, враг не показывался, лишь крепчающий ветер гнал по темному небу низкие тучи.

Майор Даннет нервно выругался. Четыре роты брошены среди бездорожья и холода! Четыре забытые роты на проигранной войне. Ждать дальше нет смысла.

— Снимаемся! — скомандовал Даннет.

Послышались свистки. Две фланговые роты развернулись и, как ожившие мертвецы, побрели по разбитой дороге. Две стоящие по центру роты под командованием капитана Мюррея остались на мосту.

Стрелки любили капитана Джона Мюррея. Он был настоящим джентльменом, обмануть его было трудно, зато на откровенность капитан отвечал откровенностью и относился к людям справедливо. У него были тонкие черты лица и живая улыбка. Капитан любил пошутить. Благодаря таким офицерам, как Мюррей, стрелки еще сохраняли дисциплину и подобие строевой выучки, обретенной на плацу Шорнклифа.

— Сэр! — До сих пор не ушедший с моста интендант показал на возникшую из пелены дождя фигуру. — Один из наших.

Едва держащийся на ногах человек действительно оказался английским солдатом. Ни кивера, ни сапог на нем не было. Босые ноги оставляли на каменистой дороге кровавый след.

— Это ему послужит уроком, — сказал капитан Мюррей. — Видите, ребята, к чему приводит пьянство?

Незамысловатая шутка капитана развеселила стрелков. Капитан явно передразнивал священника, который как-то раз читал в батальоне проповедь о греховности спиртного. Обветренные, потрескавшиеся губы солдат с трудом складывались в улыбку, но это было лучше, чем мрачное отчаяние.

Солдат, один из оставленных в деревушке пьяниц, попытался махнуть ослабевшей рукой. Очевидно, инстинкт самосохранения вывел его на дорогу и погнал на запад. Он споткнулся о замерзший труп лошади и попытался бежать.

— Кавалерия! — крикнул вдруг лейтенант.

— Стрелки! — заорал капитан Мюррей. — К бою!

Онемевшими от холода руками солдаты выдергивали тряпки из ружейных замков. Замерзшие пальцы двигались быстро, ибо на дороге действительно показались зловещие очертания всадников. На фоне серого неба чернели ножны, плащи и карабины в седельных кобурах. Французские драгуны.

— Спокойно, ребята, спокойно, — уверенным голосом произнес капитан Мюррей.

Новый лейтенант отбежал к левому флангу, где находился его мул.

Отставший солдат соскочил с дороги, перепрыгнул через канаву и завизжал, как свинья на бойне. Один из драгун настиг его и рассек лицо мечом от бровей до подбородка. Кровь хлынула на замерзшую землю. Второй драгун рубанул несчастного по голове. Солдат упал на колени и заплакал. Спустя мгновение его затоптали копытами.

Французский эскадрон скакал на перекрывшие дорогу роты. Доносились крики «Serrez! Serrez!», что по-французски означало «стягиваться». Кавалеристы сбивались в плотный строй, прижимаясь друг к другу сапогами. Прежде чем капитан Мюррей скомандовал «Огонь!», лейтенант успел разглядеть обрамлявшие лица драгун косицы.

Грянуло около восьмидесяти ружей. У остальных отсырел порох, но восемьдесят пуль с расстояния менее сотни ярдов смешали вражеский эскадрон. Кони заметались, всадники полетели на землю, началась паника. Замерзающий день пронзило ржание смертельно раненной лошади.

— Заряжай!

Сержант Уильямс находился на правом фланге роты Мюррея. Он выхватил у солдата давшее осечку ружье, выскреб из замка сырую кашицу и засыпал сухого пороха из своего рожка.

— Прицельный огонь! Стрелять без команды!

Новый лейтенант вглядывался в черно-серый дым, стараясь разглядеть офицера, и увидел кричащего на других всадника. Он прицелился, от сильной отдачи занемело плечо.

Ему показалось, что француз упал, но сказать наверняка было трудно. На дороге вылетела лошадь без всадника. С седла капала кровь.

Прогремело еще несколько выстрелов. Стволы выплевывали пламя на два фута. Конница рассеялась. Туман и дождь более не позволяли вести прицельный огонь. Французы так и не выяснили, какие силы им противостоят.

Роты Даннета перестроились для прикрытия. Раздался свисток, означающий, что Мюррей может отвести своих людей. Драгуны открыли беспорядочный огонь из карабинов. Стреляли с седел, что делало попадание почти невозможным.

— Отходим! — скомандовал Мюррей.

Последние штуцера плюнули огнем в сторону противника, и солдаты отступили. Подгоняемые страхом люди забыли о холоде и голоде и побежали к перестроившимся ротам Даннета. Теперь замерзшей пехоте предстояло долго играть в кошки-мышки с усталой кавалерией.

Стрелок Купер тащил по дороге упирающегося мула. Мюррей легонько ткнул мула палашом, и животное подпрыгнуло.

— Почему вы его не отпустите? — крикнул он лейтенанту.

— Потому что он мне еще нужен.

Лейтенант приказал Куперу отвести мула на северный склон, где бы он не мешал ротам Даннета вести огонь по французам. Зеленые куртки были обучены обороняться разбросанной цепью, в которой каждый стрелок ведет прицельный огонь из своего укрытия. Сейчас они отступали плотными рядами и стреляли залпами, как обычные пехотинцы.

— Держать строй! — крикнул сержант Уильямс.

Французский авангард осторожно приближался к мосту: около сотни всадников на измученных лошадях. Применять кавалерию в горах при такой погоде было безумием, но император приказал догнать и уничтожить британскую

армию. Это означало, что лошадей будут сечь до смерти. Копыта были замотаны в тряпки, чтобы кони меньше скользили.

— Стрелки! Примкнуть штыки! — скомандовал Даннет.

Солдаты вытащили из ножен длинные штыки и закрепили их на стволах заряженных винтовок. Команда была излишней, так как французы, похоже, не собирались больше атаковать. Тем не менее устав требовал вести бой с кавалерией при примкнутых штыках, и Даннет решил подстраховаться.

Лейтенант зарядил ружье. Капитан Мюррей вытер влагу с лезвия тяжелого кавалерийского палаша, который, как и ружье лейтенанта, считался причудой. Пехотным офицерам полагалась легкая изогнутая сабля, но Мюррей носил прямой палаш, одним весом способный проломить человеческий череп.

Драгуны спешили и выстроились в ломаную линию, протянувшуюся далеко по обе стороны моста.

— А они не шутят, — пробормотал капитан и нервно оглянулся, в надежде увидеть британскую кавалерию.

— Отступать поротно! — крикнул майор Даннет. — Джонни, отводи своих!

— Пятьдесят шагов, марш!

Две роты капитана Мюррея отошли на пятьдесят шагов и образовали новую линию обороны.

— Первому ряду приготовиться к стрельбе с колена! — приказал Мюррей.

— Всё бежим, — проворчал стрелок Харпер. Гигант-ирландец славился непокорным характером. У него было широкое, плоское лицо с песочного цвета бровями, сейчас покрытыми белой изморозью. — Нет чтобы передуть этих тварей. Представить только, сколько жратвы у них в ранцах! — Он тоже обернулся на запад. — Где, будь она проклята, наша кавалерия?

— Молчать! Смотреть вперед! — резко скомандовал лейтенант.

Харпер смерил его насмешливым и презрительным взглядом.

Вдали виднелись смутные очертания драгун. Время от времени с их стороны раздавались выстрелы, и ветер поднимал облачка серого дыма. Один из стрелков получил ранение в ногу и отчаянно клял французов.

Новоиспеченный лейтенант прикинул, что до полудня оставалось не более двух часов. Хорошо, если бой завершится к раннему вечеру. Ему еще предстояло найти овчарню или церковь, где стрелки смогли бы укрыться на ночь. Он молил Бога, чтобы подвезли муку. Ее смешивали с водой, поджаривали на огне и ели. Мешка хватало на ужин и на завтрак. Если повезет, будет и мясо убитой лошади. Наутро люди проснутся с судорогами в животе, построятся и побредут на запад, пока не прозвучит очередная команда развернуться и дать бой.

Тем же самым драгунам, которые сегодня позволили им отойти.

— Не очень-то они рвутся в атаку, — проворчал лейтенант.

— И правильно, — задумчиво сказал Мюррей. — Их ждет курица с чесноком, хорошее красное вино и ядреная девка в постели. Кому захочется помирать в промозглой дыре, если все это под боком?

— Отступаем колоннами, по полуротам! — приказал Даннет, уверенный, что противник больше не рискнет ввязываться в бой. — Капитан Мюррей, прошу вперед!

Прежде чем Мюррей успел отдать приказ, новоиспеченный лейтенант громко крикнул:

— Кавалерия сзади!

— Это наши, олух! — Даннет не скрывал своего презрения к интенданту.

— О черт! — выругался Мюррей, посмотрев на дорогу. — Задняя шеренга, кругом! Майор Даннет! Это французы!

Один Бог знал, откуда за спиной у стрелков взялись три свежих вражеских эскадрона.

Сквозь распахнутые тужурки французов виднелись зеленые мундиры с розовым шитьем. Всадники уже обнажили палаши. Их вел егерь, что было довольно странно. Офицер был одет в красную накидку, малиновый ментик и черную меховую папаху Императорской гвардии. Рядом с ним на огромном чалом жеребце скакал человек в черной бурке и сверкающих белых сапогах.

Даннет растерянно уставился на неожиданно возникшего противника. Стрелки лихорадочно перезаряжали ружья. Интендант опустил на колено, набросил ремень на локоть и выстрелил в егеря. Пуля пролетела мимо, и стрелок Харпер презрительно хмыкнул.

Из вражеских рядов раздался горн. Его резкий звук предвещал смерть.

Егерь поднял палаш. Человек в бурке вытащил саблю. Всадники перешли на рысь, копыта застучали по замерзшей земле. Драгуны надвигались тремя эскадронами, каждый из которых отличался мастью лошадей. В первом эскадроне лошади были черными, во втором — гнедыми, в третьем — светло-гнедыми. Подобное построение было обычным для парада, в бою масти быстро перемешивались за счет запасных лошадей. Трубачи и трое всадников с остроконечными флажками на пиках восседали на серых скакунах. Флажки ярко выделялись на фоне низкого серого неба. Кристаллами белого льда сверкали палаши драгун.

Майор Даннет понял, что стрелкам грозит уничтожение: — Строиться в каре! В каре! Строиться!

Солдаты поспешно сгрудились в неровный квадрат. Попавшие в первые ряды опускались на колени и упирали приклады в землю, каре оцетинивалось штыками. Задние заряжали ружья, обдирая о штыки застывшие пальцы. Стрелок Купер и его мул оказались в середине каре.

Светло-пегий эскадрон повытаскивал карабины и спешился. Два других эскадрона надвигались на стрелков. До каре оставалось не менее ста шагов, и драгуны не спешили переводить коней в галоп.

— Огонь! — скомандовал Даннет.

Успевшие перезарядить ружья выстрелили. С десятков лошадей потеряли седоков. Стрелки толкались и перестраивались, стараясь образовать правильный квадрат, из которого мог бы стрелять каждый. Теперь они стояли в три ряда.

— Огонь!

Новый залп принес врагу больший ущерб. Егерь дал команду рассеяться. Всадники разлетелись в стороны, дав возможность спешившимся драгунам открыть стрельбу из карабинов. С восточной стороны появились драгуны, ранее преследовавшие отступавших стрелков.

Каре представляло идеальную мишень для карабинов. Рассыпаться в цепь стрелки не могли, конница мгновенно изрубила бы их в куски. Полковник-егерь оказался смысленным типом, подумал лейтенант. Многим стрелкам придется отдать сегодня свои жизни.

Некоторые уже погибли. Центр каре превратился в кровавую кашу, звучали вопли раненых, проклятия и отчаянные молитвы. Дождь усилился, стрелкам приходилось сыпать на полку все больше пороха, чтобы выпустить в сторону почти невидимого врага очередную пулю.

Эскадроны на конях откатились на запад и перестроились. Теперь они ожидали своего часа по обеим сторонам дороги. Застывшая сталь палашей отливала смертельным блеском. Пока зеленые куртки сохраняли боевой порядок и каре щетинилось бледными штыками, всадники были не страшны. Но огонь карабинов выкашивал стрелков, и рано или поздно каре должно было дрогнуть, после чего кавалерийская атака разметет его, как кучу сухих листьев.

Даннет это понимал и отчаянно искал спасения. Он увидел его в низком облачке, укутавшем склон в двухстах ярдах к северу. Если солдатам удастся подняться на гору, они спасены. Майор колебался. Пуля ударила сержанту в голову, и тот замертво рухнул на землю. Отчаянно завизжал раненный в живот стрелок. Еще один, с пробитой ступней, давился слезами, но упорно перезаряжал ружье.

СОДЕРЖАНИЕ

РУЖЬЯ СТРЕЛКА ШАРПА

Перевод М. Гутова 5

ВОЙНА СТРЕЛКА ШАРПА

Перевод С. Самуйлова 301